

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44
Д46

HEATHER DEMETRIOS
BAD ROMANCE

Печатается с разрешения Sanford J. Greenburger Associates, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Димитриос, Хезер.

Д46 Токсичный роман: роман / Хезер Димитриос;
пер. с англ. А. Сибуль. – Москва: Издательство АСТ,
2019. – 416 с. – (TrendLove).

ISBN 978-5-17-110799-4

Сколько Грейс себя помнит, она всегда любила Гевина – обаятельно-го, талантливого и опасного. Когда Гевин отвечает ей взаимностью, Грейс кажется, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Но чем дольше Грейс и Гевин встречаются, тем более странно ведет себя парень ее мечты. Грейс начинает понимать, что влюбилась в искусного манипулятора, эгоиста и собственника. Но сможет ли она найти в себе силы разорвать токсичные отношения?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Сое)-44

Copyright © 2017 by Heather Demetrios
© А. Сибуль, перевод на русский язык, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

В оформлении использованы материалы, предоставленные фотобанком Shutterstock, Inc.

ISBN 978-5-17-110799-4

*Посвящается Заку:
мужу, счастливому концу истории
и исцелителю разбитых сердец*

(TSATMAEO)

*I want your ugly
I want your disease
I want your everything
As long as it's free
I want your love¹*
Lady Gaga

---

¹Хочу тебя уродливого,
Хочу тебя больного,
Хочу тебя всего,
Пока это бесплатно,
Хочу твоей любви (англ.).

Одиннадцатый класс

— ГЛАВА 1 —

Пятьсот двадцать пять тысяч шестьсот минут. Именно столько мне потребовалось, чтобы начать забывать тебя. Один год. Наш собственный сезон любви. Ты же знаешь, на какой мюзикл я намекаю, Гэвин? Ведь ты был моим парнем, так что не можешь не знать, что я, конечно, не обойдусь без ссылки на «Аренду»¹ и здесь. Пятьсот двадцать пять тысяч шестьсот минут касаний наших губ, шепота в темноте, того, как ты поднимаешь меня на руки и кружишь, и забираешь мою девственность, и сносишь мне крышу, и говоришь, что я не стою ничего, ничего, ничего.

Если бы я писала о нас мюзикл, то не стала бы начинать с нынешнего момента — с конца. Я бы хотела, чтобы аудитория действительно поняла, как я попала со всеми потрохами. Девушки не влюбляются в гадов-манипуляторов, которые обращаются с ними как с дерьмом и заставляют их серьезно задуматься над принятыми важными решениями. Они влюбляются в гадов-манипуляторов (которые обращаются с ними как с дерьмом и заставляют их серьезно задуматься над принятыми важными решениями), которых считают рыцарями в сияющих доспехах. Ты въехал на своем чертовом белом коне, то есть «Мустанге» 1969 года, и я сразу вся такая: «О, мой герой!». Но я так устала быть «девой в беде». В следующей жизни буду

---

¹Мюзикл 1994 года, переносящий в Нью-Йорк действие оперы «Богема» Джакомо Пуччини.

крутой ниндзя-королевой-воином. И я буду отлавливать таких сволочей, как ты. Брошу тебя в темницу, а ключ выкину в ров, и все мои дамы-рыцари крикнут «Ура!», а я буду сидеть на своем троне и думать: «Все правильно сделала».

Но я не могу грезить о следующей жизни, потому что мне надо разобраться с тобой в *этой*. Прежде чем расстаться с тобой, мне хочется поразмыслить. Я хочу разобрать нашу историю по кирпичикам. Хочу вспомнить, почему была так безумно влюблена в тебя. Я хочу знать, почему мне понадобилось так много времени, чтобы понять, что ты — яд.

Так что я воспользуюсь строчкой из «Звуков музыки»: «Начнем с самого начала, где лучше всего начать...»

Вот я, справа на авансцене, заканчиваю свой завтрак за обеденным столом. Я учусь в одиннадцатом классе. Зима. Вторник — что лучше, чем понедельник, но хуже среды. Мы еще не вместе, Гэв, но, как говорит моя изумительно бестактная лучшая подруга Алисса, *я так запала на тебя*. Я только что съела тост с арахисовым маслом и вспоминаю, как ты вчера ел шоколадно-арахисовое пирожное «Риз», а я хотела слизать шоколад с твоих губ. Потому что это был бы прекрасный поцелуй — Гэвин Дэвис на вкус как шоколадно-арахисовое пирожное «Риз». Да. Я витаю в облаках, мечтая о тебе, и пытаюсь игнорировать своего отчима (далее известного как Великан). Он топает по кухне и бормочет что-то под нос, очевидно, хочет, чтобы я спросила, что случилось, но я не собираюсь этого делать, потому что он полный шизоид (это выражение Алиссы, она очень творчески подходит к словам), и никто не должен разбираться с шизоидами до утреннего кофе.

Великан недоволен.

— Где мой чертов обед? — рычит он уже громче, роясь в холодильнике.

Сегодня день, который изменит мою жизнь. Но я, конечно же, этого еще не знаю. Понятия не имею, что меня ждет. Что *ты*, Гэвин, приготовил мне. Я только знаю, что Великан мешает моим грезам о Гэвине, и еще очень хочется немного кофе из кофейника, но мне нельзя, потому что они так сказали. Все здесь «потому что мы так сказали».

Великан грохочет своим обеденным судком о стол и открывает его. Только тогда я вспоминаю, что забыла сделать вчера вечером перед сном.

Я закрываю глаза и представляю греческий хор, воздевающий руки к небу за меня (О горе! Горе!), потому что это небольшое нарушение может привести к тому, что у меня не будет выходных.

— Прости, — шепчу я. — Я забыла приготовить его.

Я вешаю голову, пристыженная. Я вся воплощение «раскаивающейся и раболепной женщины», потому что именно это Великану все время нужно видеть. Но это только снаружи.

А внутри, куда Великан не может добраться, как бы ни старался: «Пошел к черту, сам готовь себе дурацкий обед и заодно помой машину, и постирай свое белье, особенно трусы, и, пожалуйста, можно я больше не буду мыть твою ванную, потому от твоих лобковых волос меня тошнит?»

Я играю роль забитой, испуганной девочки, потому что мне страшно. Вообще-то я просто в ужасе. Вся моя свобода — хрупкое дутое стекло. Один слабый толчок, и она вся разлетится на тысячу миллионов осколков. Но так было не всегда. До того как моя мама вышла замуж за Великана, в нашем доме были смех, спонтанные танцы, приключения. Больше нет. Я живу в королевстве, управляемом тираном, решившим уничтожить меня.

Великан ругается, и мне хочется сказать: «Ты не умрешь, если сделаешь сам себе чертов бутерброд».

Серьезно. Хлеб, индейка, горчица, сыр — *она!* У тебя бутерброд. Господи.

Я слышу, как в коридоре открывается дверь, и мама заходит со своей версией «раскаявшейся и раболепной женщины». Моя мама думает, что невидимая грязь — настоящая, что катастрофы ждут за каждым углом.

Думает, что Смерть с косою прячется в щелях между плитками, над плинтусом, в унитазе. Она не в порядке.

— Что происходит? — спрашивает она, переводя взгляд с меня на Великана. Кончики ее губ опускаются при взгляде на меня, словно я уже разочаровала ее, а еще нет и восьми утра.

— Твоя дочь снова не приготовила обед, и мне придется сегодня потратить деньги, чтобы *опять* поесть вне дома, — вот что происходит. — Он смотрит на меня, и я почти слышу мысль в его голове: «Ты не мой ребенок, если бы ты только убралась прочь из этого дома навсегда».

— Можешь даже не мечтать о походе в кино в пятницу с Натали и Алиссой, — добавляет он.

Вот удивил. Давайте угадаю — буду сидеть с ребенком.

Не поймите меня неправильно: даже если Сэм наполовину Великан, я его до смерти люблю. Сложно ненавидеть трехлетку. Он не виноват, что Великан его отец, как и я не виновата, что мой отец — бывший (или нынешний) кокаинист, который живет в другом штате и каждый год забывает про мой день рождения.

Мама награждает меня раздраженным взглядом и проходит мимо, не проронив больше ни слова. Она хлопывает Великана по руке, а потом достает чашку для кофе. На ней написано «Мама № 1», что весьма иронично. Мне хочется, чтобы производители кружек придерживались правды. Например, почему нет кружек с надписью «Некогда вполне не-

плохая мама, вышедшая снова замуж и переставшая заботиться о своих детях?». Понимаю, много слов, но если использовать 12-й шрифт, то точно можно записать это на кружку.

Великан не проходит мимо по пути к двери, он проталкивается, пихая меня плечом, словно регбист, так что меня впечатывает в проход, а позвоночник врезается в угол стены. Боль пронзает спину. Он не замечает. А может, как раз замечает. Ублюдок. Как только он захлопывает за собой дверь, мама набрасывается на меня.

— Что я говорила тебе о домашних обязанностях? — ледяным тоном спрашивает она. — Я начинаю уставать от этого, Грейс. Сначала плохо вымытая посуда, теперь обед Роя или игрушки Сэма. — Она поднимает палец в угрожающем жесте классического диктатора. — Лучше бы тебе взяться за ум, юная леди. Ты ходишь по тонкому льду.

Послушать ее, так я все время хожу по тонкому льду. Это топография моей жизни. Холодно, скоро сломается, уверенности нет.

Ей не нужно напоминать мне, что случится, если лед треснет под ногами. Папа пообещал мне помочь оплатить театральный лагерь в Интерлокене этим летом, эту классную программу в Мичигане. Я копила деньги на него как сумасшедшая, работая в две смены на выходных в «Медовом горшочке», чтобы помочь отцу наскрести пару сотен долларов на освобождение от пригородного ада на несколько недель.

Я опускаю голову еще ниже в этот раз и становлюсь «поверженной дочерью». Она кузина «раскаивающейся и раболепной женщины», но более уставшая. Если бы это был мюзикл, то «поверженная дочь» повернулась бы к зрителям и спела бы что-то вроде «У меня была мечта» из «Отверженных». Весь зал бы рыдал.

— Прости, — снова говорю я тихо.

Нужна вся сила воли, чтобы не позволить растущему внутри раздражению проникнуть в голос, рот, руки. Чтобы оставаться «поверженной дочерью», я смотрю на свои розовые ботинки «Доктор Мартенс», потому что когда опускаешь глаза, то показываешь свою никчемность и позволяешь другому почувствовать превосходство, а это повышает шансы на то, что они поведут себя великодушно. Ты когда-то спрашивал меня об истории моих ботинок, и я рассказала тебе, как нашла их в секонд-хенде на Сансет бульваре и была уверена, что девушка, носившая их до меня, писала стихи и танцевала под Ramones, потому что в них я чувствовала себя ближе к искусству. «Бетти и Беатрис — мои родственные души-ботинки», — призналась я, а ты спросил, всем ли своим ботинкам я даю имена, и я ответила: «Нет, только этим», а ты сказал: «Круто», а потом прозвенел звонок, и я жила этими двумя секундами разговора остаток дня. Так что хоть моя мама и вела себя ужасно этим утром, ботинки смогли немного подбодрить меня. В общем, все будет хорошо, пока в мире существуют розовые ботинки в стиле милитари. Однажды я именно это тебе скажу, и ты притянешь меня к себе и шепнешь: «Я так чертовски люблю тебя», и я почувствую себя на пять миллионов баксов.

— Прости, — фыркает мама. — Если бы я получала монетку каждый раз, когда ты это говоришь... — Она бросает взгляд на часы. — Иди, а то опоздаешь.

Я хватаю сумку и свитер, чего в Калифорнии зимой вполне достаточно. Подумываю о том, чтобы хлопнуть дверью по пути на улицу, но это плохо для меня кончится, так что я тихо ее закрываю, а потом несусь по тротуару, прежде чем мама придумает новый повод злиться на меня.

Мне нужно отправиться в мое счастливое место. Сейчас. Я не могу позволить, чтобы мой день был

таким. Мне нужно отпустить произошедшее в стиле Тейлор Свифт.

Школа Рузвельт Хай меньше чем в десяти минутах пути, и я провожу это время в наушниках, слушая саундтрек к «Аренде» — возможно, лучшему мюзиклу 90-х. Он уносит меня в Нью-Йорк, компанию богемных друзей, мое будущее. Некоторые люди бегают или медитируют, чтобы снять стресс, а я отправляюсь мыслями туда. Представляю, как иду по улицам города мимо полных мусорных баков с копошащимися крысами, крутых бутиков и кофеен. Повсюду люди. Меня окружают кирпичные здания с пожарными выходами, и я запрыгиваю в метро и лечу под городом в театр «Голландец», где поставлю спектакль или мюзикл. Возможно, даже смогу возродить бродвейскую «Аренду». К тому времени, как я добираюсь до школы, музыка бурлит во мне («Виват, богемная жизнь!»). Мама, Великан и дом раскалываются и пропадают, и их заменяет моя настоящая семья, персонажи «Аренды»: Марк, Роджер, Мими, Морин, Энджел, Коллинс, Джоанн. Я в порядке. Пока.

Как только оказываюсь на территории школы, я ищу тебя. Тебя сложно не заметить.

Ты словно Морин из «Аренды»: «С самого совершеннолетия все смотрят на меня — мальчики, девочки. Я ничего не могу поделать, крошка».

Вокруг тебя эта аура крутости, из-за которой люди хотят низко кланяться тебе, зажечь свечу. Святой Гэвин. За собой ты оставляешь звезды. Когда проходишь мимо, клянусь, я вижу летящие искры. Воздух трещит. Шипит. Ты крадешь весь кислород, и я хватаю ртом воздух, тяжело дышу. Меня охватывает жар.

Я хочу украсть кожаный блокнот, который ты постоянно носишь с собой. Там песни и стихи, а может, и наброски. Все твоим почерком, который я никогда не видела, но представляю удивительно аккуратным.

Если бы я могла, то забралась бы в твой винтажный «Мустанг», машину плохого парня, и свернулась бы клубочком на заднем сиденье, надеясь, что ты овладеешь мной или хотя бы споешь песню. Я не могу насмотреться на эту сексуальную шаркающую походку, на эти идеально растрепанные черные волосы. Вылинявшая футболка с надписью Nirvana и низко сидящие на бедрах джинсы, черная шляпа, без которой я никогда тебя не видела. У тебя совершенно арктические глаза, настолько голубые, что я все жду, когда увижу в них волны или ледники. И у тебя такой непроницаемый взгляд, словно внутри тебя заперт миллион секретов. Мне нужен ключ.

Больше всего нравится, когда ты играешь на гитаре, склоняясь вперед, левая нога слегка впереди правой, мускулистые руки посылают магию в воздух; ты так сосредоточен на музыке, льющейся из-под этих длинных тонких пальцев. А твой голос – гравий и мед, немного Джека Уайта, немного Тома Йорка. Песни, написанные тобой, – поэзия. Ты закрываешь глаза и открываешь рот, и что-то начинает вращаться внутри меня, быстрее и быстрее, и я готова сделать все, о чем ты попросишь. Когда ты поешь, я представляю, как мои губы касаются твоих, твой язык в моем рту, твои руки повсюду.

Ты самое экзотическое, что есть в нашем убогом подобии города. Бог рока, брошенный жестокой судьбой на окраину, где по крайней мере на двадцать градусов жарче, чем в аду. Мне нравится думать, что я, девушка из Лос-Анджелеса, которой пришлось переехать сюда, могу понять тебя лучше, чем другие. Я знаю, каково слышать гудки машин, вертолеты и музыку всю ночь напролет. Знаю, каково это – нестись по залитым неоновым светом автострадам и находить уличное искусство в самых неожиданных местах. Знаю, каково чувствовать себя живым. Я по-

нимаю, ты всего этого хочешь. Ты смотришь на все вокруг нас так же, как и я: с тихим отчаянием.

В Бирч Гров есть новизна, присущая только городам в Калифорнии: торговые центры растут как грибы, а школы и дома появляются там, где раньше были лишь грядки с клубникой или кукурузные поля. Хотя у нас есть и «Таргет», и «Старбакс», и все такое, в этом месте проводится ежегодное родео. Есть только один винтажный магазин и торговый центр — противоположность Диснейленда: самое унылое место на Земле. Самое худшее, что все здесь одинаковое — дома, люди, машины. Нет ничего радикального. Дикого безумия.

Я страстно ненавижу Бирч Гров.

Одна из немногих вещей, которая мне здесь *нравится*, — это наша школа: драматический кружок, танцевальный кружок, мой учитель французского — наполовину египтянка, курящая длинные тонкие сигареты за спортивным залом. И мне действительно нравится сама школа, то есть здание. В ней есть определенный уют, из-за которого она похожа на второй дом. Мне нравится, что все залито солнцем, нравятся огромная лужайка в центре, открытая арена с бетонной сценой под крышей, которая похожа на миниатюрную Голливуд-боул¹. Это идеальная калифорнийская школа, хотя иногда мне хочется оказаться в школе Восточного побережья с кирпичными стенами, увитыми плющом. Если бы я была там, я бы носила фирменный свитер и у меня был бы парень по имени Генри, который играет в лакросс и чей отец — известный на весь мир врач. Это мир тыквенного пряного латте, в котором я никогда не окажусь.

Когда мисс Би выбрала меня на роль помощника режиссера и назначила тебя на главную роль в «Как

---

¹Голливуд-боул или «Голливудская чаша» — концертный зал в виде амфитеатра под открытым небом в Голливуде.

важно быть серьезным»¹, я побежала домой и станцевала в своей комнате. Я хотела цепляться за тебя, как и другие девушки в пьесе, и говорить: «Эрнест, мой Эрнест!». Вот как счастлива я была просто находиться в нескольких метрах от тебя каждый день после школы в течение шести недель. Их было слишком много, этих метров. Я хотела, чтобы они превратились в сантиметры. Миллиметры. Однажды ты обнял меня и рассмеялся над одной из моих редких попыток пошутить. Ты брал предложенные мной жвачки. Улыбался мне в коридорах. Знаешь ли ты, что обладаешь идеальной полуулыбкой — наполовину усмешкой, полностью загадкой? Конечно же, знаешь.

Однажды я спросила, почему бог рока ночью — днем парень, участвующий в постановке пьесы, и ты сказал мне, что однажды пробовался на «Поющие под дождем» (когда еще был в девятом классе) на спор, а потом получил главную роль, и твоя мама заставила тебя участвовать. И тебе понравилось. Интересно, все ли рок-звезды втайне маменькины сынки, которым нравится степ.

Я люблю тебя, Гэвин. И возможно, это очень поверхностно: например, я с ума схожу, когда ты снимаешь свою шляпу и проводишь рукой по волосам. Или когда ты засовываешь руки в передние карманы по пути на урок. Интересно, если бы ты вытащил их и положил на мою голую кожу, я бы почувствовала мозоли от всех тех часов, проведенных тобой в комнате за игрой на гитаре? Твои пальцы будут теплыми или прохладными? Мне хочется знать, каково это — касаться твоей ладони своей, как в «Ромео и Джульетте»: «Ладонь к ладони: священный поцелуй ладоней».

Все еще не могу поверить, что ты говоришь «привет», когда видишь меня в коридоре. Ты считаешь

---

¹Комедия Оскара Уальда.